

УДК 94(357):355(357)

**ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ:
СПОСОБЫ, ВИДЫ, МАСШТАБЫ**

© 2016 г.

В.А. Дмитриев

Псковский государственный университет, Псков

dva_psk@mail.ru

Поступила в редакцию 02.04.2016

Сасанидское командование использовало достаточно широкий арсенал способов и видов ведения разведки, определявшийся спецификой военного дела сасанидского Ирана и его противников, географическими условиями театров боевых действий, особенностями социально-экономического и политического развития как самой Сасанидской державы, так и государств, в вооружённые конфликты с которыми она вступала. С точки зрения масштабов разведдеятельности персы осуществляли как тактическую, так и стратегическую разведку, однако преобладающую роль играла тактическая разведка, что соответствовало общему уровню развития военного искусства в эпоху поздней античности.

Ключевые слова: сасанидский Иран, военная история, военная разведка, способы разведки, виды разведки, масштабы разведки.

В предыдущей статье, посвящённой военной разведке Сасанидов, нами были проанализированы главным образом организация разведывательной службы в сасанидском Иране и каналы поступления разведанных в распоряжение персидского командования¹. Однако деятельность разведки, представляющая собой сложный и многогранный военно-исторический феномен, указанными аспектами, безусловно, не исчерпывается, в связи с чем её комплексное и всестороннее исследование предполагает раскрытие и таких важных вопросов, как способы осуществления разведдеятельности, виды разведки и её масштабы. Их рассмотрению и посвящена данная работа.

1. Способы разведки. В современной военной науке выделяются такие способы осуществления разведдеятельности, как наблюдение, подслушивание, поиск, налёт, засада, действия разведывательных дозоров (групп), разведка боем, опрос местных жителей, допрос пленных и перебежчиков, изучение захваченных у противника документов и др. [2, с. 36; 3, с. 132–133; 4, с. 438]. Безусловно, в позднеантичную эпоху военная разведка не имела столь дифференцированного набора методов сбора информации, однако некоторые из вышеназванных способов осуществления разведывательной деятельности применялись на практике уже в древности, и сасанидский Иран не являлся здесь исключением.

Исходя из содержащихся в источниках сведений, можно сделать вывод, что наиболее распространённым способом получения разведанных у персов являлось **наблюдение**. Оно

велось как представителями армейской разведки, так и различными тайными агентами (Amm. Marc. XVI.9.1; XVIII.6.16; XXI.13.4; Liban. Or. XVIII.213; Faust. IV.24; Proc. Bell. I.21.11; Hist. arc. XXX.12–14; Theophyl. III.7.4, 8; IV.3.14; V.8.2, 4; Agathan. 28; Zach. Hist. eccl. VII.4; Tābārī. 60–61 [Nöldeke] = 841 [Bosworth]; Dīnawarī. 52). Очевидно, что тот же способ получения необходимых данных использовался и представителями сасанидских дипломатических миссий, что особенно хорошо видно из рассказа Прокопия Кесарийского о посольстве персидского дибира (писца) Абандана [5] к Велисарии, направленного «с тем, чтобы он [Абандан. – В.Д.] выведал, что представляет собой этот полководец, а для вида – чтобы выразить ему неудовольствие василевсом Юстинианом за то, что он решительно не пожелал направить в Персию послов для утверждения условий мира» (Proc. Bell. II.21.1). С помощью наблюдения собирали информацию о противнике и персидские купцы, в силу своей профессиональной деятельности имевшие возможность легально находиться на чужой территории. Об этом довольно чётко говорится в преамбуле совместного эдикта Гонория и Феодосия II, датированного 408/409 г.: «Торговцам, являющимся ...подданными царя персов, строжайше запрещено торговать за пределами мест, обозначенных при заключении нами договора с названным народом, дабы они не раскрывали тайны чужого [т.е. Римского. — В.Д.] царства» (*Mercatores... persarum regi subiectos ultra ea loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis conuenit, nundinas exercere minime*

oportet, ne alieni regni, quod non conuenit, scrutentur arcana) (Cod. Iust. IV.63.4 pr). В связи с этим следует заметить, что перечень городов, где разрешалось торговать приезжим купцам, не отличался как многочисленностью включённых в него наименований, так и их разнообразием: в трёх засвидетельствованных позднеантичными источниками случаях официальной регламентации мест пребывания иноземных торговцев (Нисибисский договор 298 г. (Petr. Patr. Fr. 13), совместные эдикты императоров Гонория и Феодосия II 408/409 (Cod. Iust. IV.63.4.1) и 422/423 (Cod. Iust. IV.63.6) гг. и римско-персидский договор 561 г. (Men. Prot. Fr. 11)), охватывающих, как видно по датам, период продолжительностью почти в три столетия, в тех или иных сочетаниях присутствуют названия всего четырёх населённых пунктов – Нисибис, Каллиник, Артаксата и Дара, причём Нисибис фигурирует в каждом из упомянутых документов². Вероятно, определение именно этих городов в качестве центров приграничной торговли во многом было обусловлено (помимо их приграничного положения) тем, что все они в ходе римско-персидских войн неоднократно переходили из рук в руки, а потому чего-то принципиально нового с точки зрения устройства фортификационных сооружений, городских коммуникаций и других объектов, информация о которых всегда являлась одной из важнейших военных тайн в эпохи древности и средневековья, ни персы, ни римляне обнаружить в них не могли – каждой из сторон всё это было уже давно и хорошо известно. В любом случае, ограничение количества городов, в которых дозволялось находиться иностранным купцам, для обеих сторон было продиктовано, помимо прочего³, стремлением минимизировать объём информации, доступной вражеским лазутчикам, скрывавшимся под личиной торговцев [8, p. 491].

Несомненно, что, помимо визуального наблюдения, для добывания нужных сведений сасанидские разведчики использовали и **опрос местного населения**. Очевидно, что так, в частности, поступали те же персидские купцы, поскольку торговая деятельность сама по себе предполагает устное общение с широким кругом лиц, в том числе и обладающих полезной для властей сопредельной стороны информацией [7, p. 175–176]. Этим же способом в период подготовки к переходу на сторону персов собирали данные и римские перебежчики, на что прямо указывает Аммиан Марцеллин: как пишет историк, знатный римлянин Антонин, «некогда богатый купец и рационарий при дуксе Месопотамии, а позднее протектор», используя

своё владение «обоими языками» (т.е. греческим и латинским), накануне бегства в Персию целенаправленно собирал информацию «о том, какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во время похода; путём расспросов (*indefessa sciscitatione*) он узнавал, имеются ли в достаточном количестве запасы продовольствия и другого военного снаряжения...» (Amm. Marc. XVIII.5.1. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Сюда же следует отнести ещё один сюжет, о котором сообщает Аммиан: речь идёт о епископе осаждённой Шапуром II Безабды, который, будучи направлен к персам для ведения переговоров, якобы, тайно указал персам наименее защищённые участки городских укреплений (Amm. Marc. XX.7.9).

Сведения, полученные в ходе общения с местными жителями, являлись и составной частью разведанных, добываемых профессиональными военными шпионами, особенно в случае, если последние были выходцами из римских владений и, соответственно, могли находиться на территории Империи, не вызывая своим поведением каких-либо подозрений у местных властей. Именно так, судя по всему, действовал упоминаемый Аммианом бывший римский кавалерист, уроженец Галлии (*natus in Galliis, et equestri militans turma*), который, опасаясь наказания за какой-то проступок, бежал к персам и, став их шпионом, «часто доставлял точные сведения» (Amm. Marc. XVIII.6.16).

Частным случаем опроса жителей той или иной территории следует, по всей видимости, считать общение представителей сасанидского военно-политического руководства с разного рода иностранными делегациями, которые, помимо прочих сведений, передавали персам и информацию, имевшую военное значение [9]. Такими делегациями могли быть как официальные дипломатические миссии, так и представители оппозиционных группировок, стремившиеся с помощью персов решить определённые внутривнутриполитические задачи. В качестве примера первых могут быть названы посольства, направленные в Иран остготским королём Витигесом (539 г.) (Proc. Bell. II.2.1–11) и лазским царём Губазом (541 г.) (Proc. Bell. II.15.12–30), вторых — группа армян, проживавших на территории римской Армении и прибывших к шаханшаху с просьбой принять их под своё покровительство (539 г.) (Proc. Bell. II.3.31–53).

На этом фоне несколько особняком стоит визит в ставку персидского военачальника Михрнарсе делегации во главе с армянским нахараром Васакком Сюни (Егише. V.95–96,114), состоявшийся в 451 г., во время армянского

народно-освободительного восстания 449–451 гг. под предводительством Вардана Мамиконяна⁴. Формально эту миссию можно было бы считать официальным посольством, т.к. Васак занимал должность марзбана (сасанидского наместника) Персоармении, однако по сути владетель Сюника в этой ситуации выступал в роли перебежчика, поскольку, поддержав восстание на начальном этапе, впоследствии он решил отмежеваться от восставших и перейти на сторону персов (с чем и было связано его появление в ставке Михрнарсе). Столь же противоречивой была и цель, преследуемая Васакком: номинально являясь законным правителем Персоармении, фактически он действовал как представитель внутриармянской проперсидской оппозиции, т.к. реальная власть в стране к этому времени уже находилась в руках Вардана Мамиконяна, и задача Васака Сюни, таким образом, состояла в устранении с помощью персов своих политических противников.

Наконец, говоря о сведениях, получаемых персами от местного населения, нельзя обойти вниманием и жителей захваченных персидской армией римских городов, которые в массовом порядке депортировались во внутренние области Сасанидской державы [8, р. 476–487, 495–499; 10]. Прямых указаний на использование персидским командованием данных, добытых у вывезенных в Иран римлян, в источниках нет, однако было бы весьма наивно полагать, что сасанидские власти могли проигнорировать столь очевидный и абсолютно доступный источник полезной для себя информации.

Персидские **разведывательные дозоры** условно могут быть разделены на две категории: 1) сторожевые посты (*vigiles, excubiae, stationes*), рассредоточивавшиеся вокруг расположения персидских войск во время лагерной стоянки (Amm. Marc. XIX.3.1, 6.7) и выполнявшие, таким образом, функции боевого охранения, и 2) разведгруппы в собственном смысле этого слова, т.е. небольшие отряды, скрытно занимавшие сбором информации о противнике и, в отличие от патрулей, действовавшие относительно автономно от основных сил персов (Amm. Marc. XXV.3.3; Theophyl. III.7.4–6; V.8.2, 4; T□□abaṛī. 60–61 [Nöldeke] = 841 [Bosworth]; Dīnawarī. 52) [1, с. 12–13]. Деятельность таких разведгрупп охватывала территорию, непосредственно примыкающую к району боевых действий, а добываемые сведения касались главным образом местонахождения неприятельской армии, её численности и маршрута следования. Судя по всему, разведывательные группы персов могли размещаться как на пути движения войск противника, так и во вражеском тылу; по

крайней мере, это вытекает из сообщения Феофилакта, указывавшего в одном случае, что персидские разведчики следили за действиями приближающегося врага (Theophyl. V.8.2), а в другом – что они тайком пробирались вглубь территории, занятой римлянами (Theophyl. III.7.4). Сведения Феофилакта дополняются данными Аммиана Марцеллина, по словам которого персидские дозоры сопровождали отступающую из Персии римскую армию, двигаясь параллельным с ней курсом, и скрытно следили за действиями римлян, используя рельеф местности и устраивая засады в удобных для этого местах: «Они [персы. – В.Д.] ...незаметно сопровождали нас [римлян. – В.Д.], устраивая засады, и, наблюдая за движением наших войск, шли по холмам по обеим сторонам нашего пути» (Amm. Marc. XXV.3.1. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни)⁵.

Об **изучении персами документов**, захваченных у врага, источники прямо не сообщают, однако у Аммиана Марцеллина есть пассаж, говорящий о том, что такие случаи явно имели место: повествуя о прибытии гонцов, доставивших письмо от римских послов в Персии Прокопия [12] и Луциллиана [13], историк отмечает, что донесение представляло собой «пергамент, исписанный тайнописью и спрятанный в ножнах меча», а его текст был написан «намеренно неявно, на тот случай, чтобы дело не вызвало тяжких последствий, если бы посыльные попали в плен [к персам. – В.Д.] и было расшифровано его [Прокопия. – В.Д.] письмо» (Amm. Marc. XVIII.6.17. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

Ещё одним способом получения персидской разведкой информации, по своему характеру близким к изучению вражеских документов, было **подслушивание**. Об этом, в частности, пишет Либаний, согласно которому накануне вторжения в Персию Юлиан старался лишней раз не озвучивать деталей будущего предприятия, поскольку знал, «что всё, о чём скажет, тотчас подслушивается лазутчиками» (Liban. Or. XVIII.213. Пер. С. Шестакова). Данный факт весьма показателен ещё и в том отношении, что он хорошо демонстрирует глубину проникновения персидской агентуры в ряды римской военно-политической элиты.

Использовался персами и такой метод осуществления разведывательных действий, как **разведка боем**. Указание на это мы находим у Агафия: «...Снявшись с лагеря со всем войском, Нахогаран [сасанидский полководец. – В.Д.] приблизился к городу [Фасису. – В.Д.], желая перестрелкой испытать римлян, произведут ли те вылазку, и таким образом яснее опре-

делить, какие военные приготовления ему надлежит делать на следующий день» (Agath. III.22. Пер. М.В. Левченко). Представляется, что разведкой боем являлось и мероприятие Шапура II, описанное Аммианом Марцеллином: «Как только царь подошёл к Безабде, он немедленно начал исследование укреплений. Окружённый свитой панцирных всадников в блестящих доспехах и хорошо заметный среди них, он смело приблизился к самому краю рва. На него были направлены тщательно намеченные удары баллист и туча стрел; но под прикрытием сомкнутых наподобие “черепахи” щитов он ушёл невредимый» (Amm. Marc. XX.7.2. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). По всей видимости, цель Шапура состояла в том, чтобы, спровоцировав обстрел со стороны римлян, определить местонахождение римских военных машин и пунктов сосредоточения воинов на крепостных стенах.

2. Виды разведки. Учитывая крайнее разнообразие и высочайший уровень специализации выделяемых на сегодняшний день видов разведывательной деятельности⁶, очевидно, что применительно к рассматриваемой эпохе можно говорить о существовании лишь некоторых из них. В данном случае мы сосредоточим основное внимание на видах разведки, выделяемых по критерию *характера получаемых разведданных*, поскольку с точки зрения иных классификаций всё представляется более или менее ясным, а потому не требующим специального рассмотрения. Так, если говорить о видах разведки, выделяемых в зависимости от средств осуществления разведывательности, то очевидно, что единственными и потому универсальными способами получения разведданных в рассматриваемую эпоху (будь то сасанидский Иран или же любое другое государство древности) являлись либо непосредственный визуальный контакт с изучаемым объектом, либо восприятие относящейся к нему информации на слух. Примерно то же самое можно сказать и о классификации видов разведки по типам природной среды, в которой осуществляется разведывательность: применительно к сасанидскому Ирану, чьи вооружённые силы принадлежали почти исключительно к сухопутному виду войск (если не брать в расчёт весьма слабый и немногочисленный флот, информации о котором источники почти не содержат [15, р. 46–47, 136, 137; 16; 17]), о наличии у персов какой-то иной разведки, кроме наземной, всерьёз говорить не приходится.

Основу разведывательности в сасанидском Иране составляла *войсковая разведка*, осуществлявшаяся военными разведчиками, вхо-

дившими в состав действующей армии. Это было связано с тем, что первостепенное значение для персидского военного командования имела информация о численности вражеского войска, его составе, вооружении, маршруте передвижения, системе управления и т.д., сбор которой и осуществляется в ходе войсковой разведки [18, с. 111]⁷; в подавляющем большинстве случаев источники сообщают о том, что персидская разведка добывала сведения именно такого характера (Herodian. VI.5.6; Amm. Marc. XX.7.2; XXV.7.1; Faust. IV.24; Mos. Chor. III.26; Proc. Bell. I. 8.13, 17.30–39; II.25.10; Agath. III.18, 22, 24; Iohan. Ephes. Hist. eccl. VI.26; Theophyl. III.7. 4–8; V.8.1–4; T□abaṯ. 60–61 [Nöldeke] = 841 [Bosworth] ≈ Dīnawarī. 52 ≈ Tha'Alibī. 521–524; 277 [Nöldeke] = 997 [Bosworth]; 295 [Nöldeke] = 1004 [Bosworth] и др.).

Данные Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XX.7.2) и Агафия (Agath. III.22) позволяют сделать вывод о проведении персами *рекогносцировок*, т.е. осмотра позиций противника, предпринимаемого лично командующим и членами его штаба. В этих же пассажах оба автора фактически ведут речь и об осуществляемой посредством разведки боем *инженерной разведке*, поскольку и под Безабдой, и под Фасисом главная задача персов заключалась в изучении фортификационных укреплений противника с целью организации их более эффективной осады. Кроме того, инженерная разведка могла осуществляться с помощью жителей осаждённого города, тайно сочувствовавших персам и передававших им данные об организации обороны и состоянии крепостных стен и башен, о чём сообщают Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XIX.5.4; XX.7.9) и Иешу Стилиит (Josh. Styl. 53, 58), а также путём наблюдения за действиями обороняющихся (Zach. Hist. eccl. VII.4) и тщательного осмотра городских укреплений (Proc. Bell. I.7.20–21).

Важную роль у персов играла *разведка местности*, необходимость которой была обусловлена, прежде всего, относительно низким общим уровнем развития топо- и картографических знаний в эпоху древности [1, с. 16], а также, вероятно, нехваткой точных сведений о состоянии коммуникаций в зоне боевых действий (особенно если они происходили на вражеской, т.е. плохо знакомой персам, территории). Эти недостатки сасанидское командование старалось компенсировать, прежде всего, за счёт использования проводников из числа местных жителей, добровольно или под угрозой физической расправы соглашавшихся помочь персам (Amm. Marc. XVIII.7.10–11; Proc. Bell. II.3.53; Agath. III.18). Сюда же, по всей видимости, сле-

дует отнести торговцев и путешественников [8, р. 491–493], которые в силу рода своих занятий могли обладать полезной информацией о географии районов, в которых действовали (или планировали действовать) персидские войска.

Кроме инженерной разведки и разведки местности, персы владели приёмами *артиллерийской разведки*, если понимать под древней артиллерией военные машины, метавшие в противника тяжёлые снаряды, т.е. баллисты, катапульты, онагры, скорпионы и т.п.⁸ В этой связи следует ещё раз вспомнить о рекогносцировке, проведённой Шапуром II в направлении крепостных укреплений Безабды (Amm. Marc. XX.7.2): как уже было отмечено, одной из задач персидского штаба в данном случае являлось определение мест расположения метательных орудий, установленных римлянами на крепостных стенах (в данном случае, как указывает Аммиан Марцеллин, это были баллисты), и их дальности.

Как отдельный вид разведывательности следует выделить персидскую *кавалерийскую разведку*. И хотя в источниках содержатся лишь единичные чёткие указания на проведение персами разведки с использованием всадников (Amm. Marc. XX.7.2; Dīnawarī. 52), можно вполне уверенно говорить о том, что в сасанидском Иране она была достаточно широко распространена, поскольку именно кавалерия играла важнейшую роль в военном деле Сасанидов.

Судя по всему, кавалерийская разведка у персов не решала каких-то специфических задач, но обладала одним важным достоинством: разведчик, являвшийся всадником, был более мобилен и в случае необходимости мог гораздо быстрее, нежели его пеший коллега, как добраться до нужного объекта, так и вернуться обратно. Другим преимуществом кавалерийской разведки являлось значительное увеличение (примерно в 2–3 раза⁹) глубины проникновения разведчиков на подлежащую обследованию территорию. Представляется также, что особенно важную роль этот вид разведки должен был играть на восточных границах Персидской державы, где Сасаниды были вынуждены вести длительные войны с кочевыми народами Средней Азии (хионитами, эфталитами, тюрками и др.), у которых основным родом войск всегда являлась конница, и эффективной в таких условиях могла быть только кавалерийская разведка.

Таким образом, преобладающую роль у персов, помимо универсальной войсковой разведки, играли те её виды, задачей которых являлось обеспечение проникновения персидской армии на территорию противника (разведка

местности) и захвата вражеских крепостей (рекогносцировка, инженерная и артиллерийская разведка). Это было связано, прежде всего, с тем, что в относительно урбанизированном Переднеазиатском регионе столкновения римлян и персов чаще всего происходили под стенами городов и других укрепленных пунктов, а не в поле [24, с. 49; 25, р. 89, 97, 101], ибо противники, как правило, предпочитали не испытывать судьбу и по возможности избегали крупных сражений на открытой местности, поскольку их исход был непредсказуем, а рисковать ни одна из противоборствующих сторон не желала [26, с. 17]. Кроме того, наличие в Передней Азии многочисленных больших и малых городов и крепостей, являвшихся ключевыми пунктами развитой в этом регионе системы сухопутных (дороги) и водных (реки и каналы) коммуникаций, объективно заставляло обе воюющие стороны направлять свои усилия в первую очередь на установление (или сохранение) над ними своего контроля; в такой ситуации полевые сражения объективно приобретали второстепенное значение по сравнению с борьбой за овладение вражескими крепостями [27, с. 122–123]. Если сражения на открытой местности всё-таки случались, то они, как правило, происходили, опять же, вблизи городов (Дары, Каллиника, Сингары, Ктесифона и др.), что давало проигравшим возможность укрыться за крепостными стенами (см., напр.: Amm. Marc. XXIV.6.12–13; Proc. Bell. I.18.49–50), а победителям — надежду ворваться в город на плечах отступающего противника¹⁰. Таким образом, акцент в разведывательной деятельности персов на разведку местности, рекогносцировку, инженерную и артиллерийскую разведку был вполне закономерен.

3. Масштабы разведки. Поскольку разведка является одним из видов боевого обеспечения [3, с. 130; 4, с. 220], которое, в свою очередь, в зависимости от уровня обеспечиваемых военных мероприятий может иметь стратегический [28, с. 146], оперативный [28, с. 164–165] или тактический [3, с. 131] характер, то на сегодня в военной науке принято выделять, соответственно, стратегический, оперативный и тактический масштабы (или уровни) разведывательной деятельности [4, с. 437; 14, с. 246]. Однако в связи с тем, что оперативное искусство возникает лишь на достаточно поздней стадии эволюции военного дела (по всей видимости, не ранее рубежа XVIII–XIX вв. [29; 30; 31, с. 269–271]), говорить о наличии в рассматриваемую эпоху оперативной разведки не приходится. В то же время тактический и стратегический уровни военного искусства были хорошо известны уже

античным военным теоретикам и практикам, что нашло отражение в возникновении особого полемологического жанра античной литературы, представленного такими трактатами, как, например, «Стратегемы» Полиэна, «Тактики» Асклепиодота и Арриана, анонимный византийский трактат «О стратегии», «Стратегикон» Псевдо-Маврикия и др.¹¹. Следовательно, стратегическая и тактическая разведка в качестве одного из элементов военного дела существовала уже в древности, и сасанидский Иран в данном отношении не был исключением.

По причине отрывочности сведений, сообщаемых позднеантичными авторами о действиях сасанидской военной разведки, определить масштаб разведывательной деятельности персов в том или ином конкретном случае весьма сложно. В такой ситуации с точки зрения операциональности важным индикатором, указывающим на уровень предпринимаемых персами разведывательных действий, является *пространственная локализация источников информации*. Так, если речь идёт о группе разведчиков, наблюдающих за вражеской армией накануне битвы, или о местном жителе, раскрывающем персам уязвимые участки укреплений осаждаемой ими крепости, то в таком случае, естественно, следует говорить о тактической разведке, поскольку зоной, откуда поступают разведданные, в данном случае является непосредственно театр боевых действий. Если же в источнике повествуется о получении персидским командованием информации из регионов, находящихся на значительном удалении от римско-персидской границы и районов прямых боестолкновений римлян и персов (например, из европейских владений Рима, из столицы империи или хотя бы из глубинных областей римских восточных провинций), то в этой ситуации, вероятнее всего, следует говорить о стратегической разведке, поскольку такого рода сведения, как правило, не имели отношения к конкретным сражениям, но, являясь более общими по своему характеру, позволяли полнее и точнее оценить «военно-политическую, военно-стратегическую и военно-экономическую обстановку в государстве – вероятном противнике на театрах войны и театрах военных действий», «его политику, взгляды на характер и способы ведения войны», «состав, расположение группировок войск, состояние и возможности вооружённых сил в целом, вероятные намерения и планы ведения войны» – т.е. всё то, что является объектом стратегической разведки [28, с. 146].

Другой немаловажный критерий, по которому могут быть разведены масштабы разведки, – это *лицо, являющееся источником информации*.

Так, если сведения поступали от рядового воина противоборствующей армии, перешедшего на сторону персов, то в них вряд ли могла содержаться стратегически важная информация. Однако в случае если персидским информатором являлся представитель элиты какого-то из соседних государств, то вероятность того, что такие данные имели стратегическое значение, была весьма высока.

Ещё одним признаком, указывающим на уровень разведывательных мероприятий, следует считать *объект, о котором собирается информация*. В частности, изучение численного состава, структуры, вооружения действующей вражеской армии или гарнизона осаждённой крепости однозначно указывает на то, что мы имеем дело с тактической разведкой, в то время как при сборе персами сведений о планах противника на предстоящую кампанию, о военно-политической или социально-экономической ситуации внутри враждебного государства следует вести речь о стратегической разведке.

Наконец, о масштабах осуществляемой персами разведывательной деятельности можно судить по *характеру действий*, предпринимаемых персидским командованием после обработки поступивших разведданных. Так, очевидно, что разведка, предшествовавшая полномасштабному вторжению на вражескую территорию, носила стратегический характер; осуществление же локальной боевой операции, решающей частные военные задачи (уничтожение отделившегося от основных сил отряда противника, набег на приграничное поселение, овладение отдельной вражеской крепостью и т.п.), указывает на проведение предварительной тактической разведки. В этой связи следует отметить, что если бы источники всегда сообщали о том, какие решения принимались сасанидским командованием по итогам анализа сведений, поставляемых разведкой, то одного этого было бы достаточно для определения масштабов разведдеятельности в той или иной ситуации, однако, как было отмечено выше, имеющиеся в нашем распоряжении тексты в данном отношении далеко не всегда достаточно информативны. Таким образом, данный признак имеет основополагающее значение для определения масштабов разведки.

Используя комплекс приведённых выше критериев, мы имеем возможность в определённой степени формализовать упоминаемые в источниках разведывательные мероприятия персов и попытаться классифицировать их по масштабам разведдеятельности, представив данные в виде таблицы. В ней указаны все обнаруженные нами в источниках упомина-

ния о деятельности сасанидской военной разведки в хронологической последовательности описываемых в них событий. При

Таблица

Номенклатура упоминаний в источниках о разведывательных мероприятиях персов

№ п/п	Источник	Краткое описание	Признаки для определения масштаба разведки и их значения				ИТОГ
			1. Пространственная локализация источников информации	2. Лицо, являющееся источником информации	3. Объект разведки	4. Характер действий, предпринимаемых по итогам разведки	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Herodian. VI.5.6	Некие «вестники» доставляют Ардаширу I сообщение о вторжении в Парфию римского войска (231 г.)	1	0	1	2	4
2	Amm. Marc. XXIII.5.3 (≈ SHA. <i>Trig. tyr.</i> II.1–4; Dio. cont. <i>Fr.</i> 1; Malal. 295–296)	Антиохийский куриал Мареад перебежал к персам и помог им захватить Антиохию (255 г.)	1	1	1	2	5
3	Agathan. 28	Знатный парфянин Анак, готовясь к притворному бегству в Армению с целью убийства армянского царя, предварительно изучает маршрут следования (ок. 287 (?) г.)	0	—	0	0	0
4	Amm. Marc. XVI.9.1	Персы пытаются «высмотреть» (<i>prospicere</i>) на границе объекты для совершения очередных набегов (357 г.)	0	0	0	0	0
5	Amm. Marc. XVIII.5.1–8	Побег в Персию знатного римлянина Антонина, сообщившего Шапуру II, «какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во время похода», «имеются ли в достаточном количестве запасы продовольствия и другого военного снаряжения», а также «что большая часть военных сил сосредоточена в Иллирике» (359 г.)	1	1	1	2	5
6	Amm. Marc. XVIII.6.16	Бывший римский кавалерист, перебежавший к персам, служит в качестве персидского лазутчика (359 г.)	0	0	0	—	0
7	Amm. Marc. XVIII.7.9	Персидский лазутчик сообщает, что персидская армия не сможет вторгнуться в римские владения по заранее намеченному маршруту из-за разлива Евфрата (359 г.)	0	0	0	0	0
8	Amm. Marc. XVIII.7.10–11, 10.1; XX.6.1	Римский перебежчик Антонин рассказывает персам о наиболее удобных путях обхода затронутых наводнением территорий и выступает в роли проводника (359 г.)	0	0	0	0	0
9	Amm. Marc. XIX.3.1, 6.7	Персы выставляют сторожевые посты вокруг своего лагеря во время осады Амиды (359 г.)	0	0	0	—	0
10	Amm. Marc. XIX.5.4–5	Перешедший на сторону персов житель Амиды во время осады города провёл по тайному ходу 70 персидских стрелков в одну из крепостных башен (359 г.)	0	0	0	0	0
11	Amm. Marc. XX.7.2	Шапур II приближается к стенам Безабды, чтобы изучить городские укрепления перед осадой (360 г.)	0	—	0	0	0

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
12	Tābarī. 60–61 [Nöldeke] = 841 [Bosworth] ≈ Dīnawarī. 52 ≈ Tha' Ālibī. 521–524	Персидские разведчики сообщают противоречивые данные об армии императора Юлиана во время её вторжения в Персию, и Шапур II во главе небольшого отряда лично отправляется в разведку, чтобы добыть точную информацию (363 г.)	0	0	0	0	0
13	Amm. Marc. XXIV.7.5	Персидские агенты, действующие под видом перебежчиков, обманым путём убеждают императора Юлиана сжечь корабли, сопровождавшие римское войско во время вторжения в Персию (363 г.)	0	0	1	2	3
14	Epit. de Caes. XLIII.2	Персидский шпион, действующий под видом перебежчика, заводит армию императора Юлиана в засаду (363 г.)	0	0	1	2	3
15	Amm. Marc. XXV.6.6	Римские перебежчики сообщают персам об обстоятельствах гибели императора Юлиана (363 г.)	0	0	0	—	0
16	Amm. Marc. XXV.7.1	Персидские разведчики и римские перебежчики сообщают Шапуру II о ходе боевых действий и тяжёлом положении отступающего римского войска; на основе этой информации персы выдвигают крайне жёсткие условия мира (363 г.)	0	0	1	2	3
17	Faust. IV.24	Перед вторжением в Армению Шапур II направляет туда лазутчиков для наблюдения за армянской армией (между 350 и 367 гг.)	1	0	1	—	2
18	Cod. Iust. IV.63.4.Pr.	Персидские торговцы занимаются шпионажем во время пребывания на римской территории (начало V в.)	1	1	1	2	5
19	Египт. V.95–96, 114	Бежавший из Персоармении марзбан Васак Сюни сообщает персидскому хазарбеду Михрнарсе о силах и планах войска восставших против персидского владычества армян накануне решающего сражения (451 г.)	1	1	0	0	2
20	Josh. Styl. 53	У римлян возникает подозрение, что кто-то из жителей Амиды тайно помогал персам при захвате ими города (503 г.)	0	0	0	0	0
21	Josh. Styl. 58	Проживавшие в Телле (Константине) иудеи сделали подкоп под крепостную стену и сообщили об этом осаждавшим город персам (503 г.)	0	0	0	0	0
22	Mos. Chor. III.26	Персидские «передовые отряды и разведчики» предостерегают Шапура II от осады Тигранакерта, поскольку она могла помешать выполнению главной задачи — вторжению в римские владения (между 350 и 367 гг.)	1	0	0	2	3
23	Zach. Hist. eccl. VII.4	Персы, путём наблюдения за одним из жителей осаждённой ими Амиды, определили место, через которое можно было проникнуть в город, что привело к захвату крепости (503 г.) (ср.: Josh. Styl. 53)	0	0	0	0	0
24	Proc. Bell. I.8.13	Отряд эфталитов численностью 800 человек движется впереди основных сил персов (503 г.)	0	0	0	0	0
25	Proc. Bell. I.9.11–15	Житель окрестностей Амиды, будучи подкуплен римлянами, вызвался быть проводником и завёл отряд персов в засаду (504 г.)	0	0	0	0	0
26	Proc. Bell. I.17.30–39	Арабы, используя своё знание местности, помогают персам при вторжении в римские владения (531 г.)	0	0	0	0	0
27	Proc. Bell. II.2.1–11	Послы остготского короля Витигеса сообщают Хосрову I о военно-политической ситуации в Европе и предлагают заключить военный союз против Рима (539 г.)	1	1	1	2	5

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
28	Proc. Bell. II.3.31–53	Посольство из Армении сообщает Хосрову I о настроениях среди армян и их желании заключить военный союз с Персией против Рима (539 г.)	1	1	1	2	5
29	Proc. Bell. II.15.12–30	Посольство от лазского царя Губаза сообщает Хосрову I о ситуации в Лазике и предлагает заключить военный союз для борьбы с Римом (541 г.)	1	1	1	2	5
30	Proc. Hist. arc. II.30	«Вестники» сообщают Хосрову I об уничтожении отряда союзных Персии гуннов в Армении (541 (?) г.)	0	0	1	2	3
31	Proc. Bell. II.21.1–15 (≈ Theoph. A.M. 6033)	Персидское посольство во главе с «царским секретарём» Абанданом посещает ставку Велисария с тайной целью узнать, «что представляет собой этот полководец»; в результате принято решение о начале мирных переговоров (542 г.)	1	1	1	2	5
32	Proc. Bell. II.25.10	Римляне берут в плен персидского разведчика, пробиравшегося к расположению римского войска под Англоном (Армения) (543 г.)	0	0	0	0	0
33	Agath. III.18	Дейлемиты используют одного из местных жителей в качестве проводника, чтобы незаметно подобраться к лагерю противника (555 г.)	0	0	0	0	0
34	Agath. III.22	Персидский полководец Нахогаран подходит в стенам Фасиса, чтобы спровоцировать огонь римлян для определения того, «какие военные приготовления ему надлежит делать на следующий день» (555 г.)	0	0	0	0	0
35	Agath. III.24	Персы, отреагировав на пущенный римлянами ложный слух о подходе к ним подкрепления, выделили часть армии для встречи несуществующего неприятельского отряда (555 г.)	0	—	0	0	0
36	Proc. Bell. I.21.11–13; Hist. arc. XXX.12–14	Персы за государственный счёт содержат профессиональных шпионов, которые «под видом торговцев или под каким-либо иным предлогом» проникают в римские владения и, «тщательно всё разведая», передают властям полученные сведения (эпоха правления Юстиниана Великого (527–565))	1	1	1	2	5
37	Iohan. Ephes. Hist. eccl. VI.26	Во время осады персами римской крепости Константины персидский шпион был пойман и допрошен римлянами (581 г.)	0	0	0	—	0
38	Theophyl. III.7. 4–8	Два персидских лазутчика, переодетых в римскую форму, пробирались к расположению войска римлян (588 г.)	0	0	0	0	0
39	Theophyl. V.8.1–4	Разведчики, посланные Бахрамом Чубином, сообщили ему о захвате римским отрядом переправы через Малый Заб (591 г.)	0	0	0	0	0
40	T□abarī. 277 [Nöldeke] = 997 [Bosworth]	Хосров Парвез выслал шпионов для слежения за армией Бахрама Чубина (591 г.)	0	0	1	0	1
41	T□abarī. 295 [Nöldeke] = 1004 [Bosworth]	Персидский полководец Рахзад направил шпионов для определения численности римской армии (626 г.)	0	0	0	0	0

этом исключены случаи, когда в тексте говорится лишь о потенциальной возможности действий персидских разведчиков (напр., Iul. Ep. 58.402a; Amm. Marc. XIX.9.3–8; XX.6.1, 7.7–9; Liban. Or. XVIII.213, Cod. Iust. IV.63.4 pr и др.), а также явно вымышленные события

(напр., T□abarī. 64–65 [Nöldeke] = 844 [Bosworth] ≈ Maçoudi. 184–185 ≈ Tha'Alibi. 523–524 ≈ Шах-наме. V.173–174; T□abarī. 101–102 [Nöldeke] = 864 [Bosworth]) ≈ Tha'Alibi. 559 и др.); сюжеты, повторяющиеся в разных источниках и представляющие собой варианты одной

и той же традиции (напр., Tābaraī. 60–61 [Nöldeke] = 841 [Bosworth] ≈ Dīnawarī. 52 ≈ Tha'Alibī. 521–524 и др.), объединены. Для большей наглядности и повышения дифференцирующей способности проводимого анализа нами были использованы элементы теории бинарных оппозиций и математической статистики: при наличии в том или ином упоминании признаков, указывающих на стратегический уровень разведки, в соответствующей графе проставлялось значение «1» (по критерию «Характер действий, предпринимаемых по итогам разведки» (графа 7) из-за его принципиальной важности для определения масштабов разведки (см. выше) – «2»), при их отсутствии – «0». Ещё одна существенная оговорка: очевидно, что применение математических методов в историческом исследовании носит в известной мере условный характер и, безусловно, не позволяет дать изучаемому феномену исчерпывающую или, тем более, претендующую на какую-либо истину в последней инстанции характеристику. Тем не менее такой способ обработки источникового материала позволяет выявить и более наглядно представить те или иные тенденции, присущие анализируемому процессу или явлению, и с этой точки зрения использование методов количественного анализа в исторической науке вполне оправдано [32, с. 307–325].

При данном подходе к стратегическим по своим масштабам разведывательным действиям Сасанидов могут быть отнесены те, что соответствуют двум условиям, первое из которых имеет в значительной степени формальный характер, второе — содержательный: во-первых, сумма значений по каждой строке (гр. 8) должна давать величину, не меньшую половины возможной максимальной суммы (т.е. быть ≥ 3); во-вторых, значение по гр. 7 не должно равняться «0» (т.е., в рамках используемой методики, оно должно составлять «2»), ибо в противном случае, даже при наличии всех остальных признаков, масштабы персидской разведдеятельности не могут считаться стратегическими из-за отсутствия принятых на основе тех или иных разведданных стратегических решений и проведения соответствующих мероприятий.

С учётом сказанного представленный в таблице материал позволяет сделать ряд наблюдений:

1. Стратегический (либо скорее стратегический) масштаб имеют 13 мероприятий из 41, т.е. около трети (31.7%).

2. К однозначно стратегическим по своему масштабу (т.е. имеющим совокупный показатель «5») могут быть отнесены 7 проявлений

персидской разведывательной активности (т.е. примерно 17% от общего числа), 4 из которых (пп. 27–29, 31) связаны с дипломатической деятельностью, 2 (пп. 2, 5) – с действиями перебежчиков из числа римской провинциальной знати, 1 (п. 36) – с работой сасанидских шпионов, которые, судя по данным источников, чаще всего действовали под видом торговцев.

3. В подавляющем большинстве (ок. 70%) проанализированных случаев осуществляемая сасанидским командованием разведка имела тактический характер, т.е., не претендуя на создание благоприятных условий для победы в войне или хотя бы кампании, она была нацелена на решение частных боевых задач¹².

4. Особого внимания заслуживает явно выделяющаяся на общем фоне концентрация сведений о стратегической разведке у персов в трудах Прокопия Кесарийского (5 упоминаний из 7). Этот факт, безусловно, неслучаен: сам Прокопий, сравнивая деятельность римской и персидской разведок, отмечает весьма высокий уровень организации военного шпионажа у персов в современную ему эпоху (Proc. *Bell.* I.21.11; *Hist. arc.* XXX.12–14), а стратегически важную информацию сасанидскому командованию поставляли, наряду с дипломатами и перебежчиками, именно шпионы (см. выше). В связи с этим становятся более понятными и причины военных успехов, достигнутых персами при Хосрове I Ануширване [27, с. 234–283].

Данные выводы хорошо согласуются с известной нам информацией о характере военной разведки в античную эпоху в целом. Действительно, в силу отсутствия специальных структур, которые бы осуществляли управление разведывательной деятельностью и её планирование [33, с. 167], многое в организации персидской разведки зависело от представлений конкретных военачальников (и прежде всего самого царя) о том, как должна действовать разведка и какие данные она должна добывать. В связи с этим деятельность разведчиков, как правило, носила ситуативный характер и обуславливалась теми задачами, которые должен был решить полководец для достижения победы над противником в той или иной конкретной ситуации. Именно поэтому преобладающее значение для сасанидского Ирана, как и других древних государств, имела тактическая разведка. В то же время если для Позднего Рима характерно постепенное свёртывание армейской, т.е. тактической, разведки при параллельном усилении роли военного шпионажа [33, с. 163; 34, с. 26–27], то в сасанидском Иране разведдеятельность, обеспечивавшая решение боевых задач тактиче-

ского характера, являлась более или менее распространённой практикой.

Таким образом, персидское командование использовало достаточно широкий арсенал способов и видов разведки, определявшийся спецификой военного дела сасанидского Ирана и его противников, географическими условиями театров боевых действий, особенностями социально-экономического и политического развития государств и народов, в вооружённые конфликты с которыми вступала Сасанидская держава. С точки зрения масштабов разведывательной деятельности преобладающую роль у персов играла тактическая разведка, что полностью соответствовало общему уровню развития военного искусства в эпоху поздней античности.

Автор выражает признательность доценту кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидату исторических наук Евгению Сергеевичу Данилову, согласившемуся ознакомиться с рукописью данной статьи, за высказанные им замечания и рекомендации. Разумеется, вся ответственность за содержащиеся в настоящей работе интерпретации и выводы лежит только на её авторе.

Примечания

1. См. [1]. Здесь же проанализированы источниковая и историографическая база изучения сасанидской военной разведки, показана актуальность исследования этой проблематики и рассмотрен ряд других общих (в том числе – методологических) вопросов. В связи с этим в настоящей работе мы не будем повторно сосредоточивать своё внимание на перечисленных моментах, ограничившись в данном отношении отсылкой читателя к указанной публикации.

2. Согласно Нисибисскому договору 298 г., центром римско-персидской торговли являлся Нисибис, по указу Гонория и Феодосия 408/409 г. – Нисибис, Каллиник и Артаксата (причём Нисибис и Артаксата в это время принадлежали Персии), по договору 561 г. – Нисибис и Дара. То, что наибольшее число пунктов приграничной торговли зафиксировано в документе начала V в., далеко не случайно: после бурного для истории римско-персидских отношений IV в., завершившегося разделом Армении (387 г.), в V в. во взаимоотношениях между обеими державами наступило некоторое затишье. Более того, в V в. Рим и Иран в определённой мере выступали как союзники в борьбе с кочевниками, вторгавшимися на территории обоих государств с Северного Кавказа. В силу этих причин определённая «разрядка», судя по всему, произошла и в сфере римско-персидских экономических связей, что проявилось в увеличении количества официально признанных центров торговли для римских и персидских купцов.

3. О социально-экономических причинах жёсткой регламентации римско-персидской торговли со стороны Рима см.: [6, с. 187–189; 7, р. 63].

4. Подробнее см.: [11, с. 192–195, 471–478].

5. Интересно, что действия персов в данном случае практически полностью согласуются с тактикой, которой в аналогичных ситуациях придерживаются современные разведчики: «Разведку отходящего противника разведывательные группы ведут главным образом вне дорог по маршрутам, параллельным направлению его отхода... Для захвата пленных и документов разведывательная группа (разведывательный дозор) устраивает засады» [2, с. 158–159].

6. В зависимости от используемого критерия (природная среда (стихия) осуществления разведывательных действий, характер и содержание разведанных, средства сбора информации и др.) на сегодняшний день принято говорить, соответственно, о наземной, воздушной, морской и космической; войсковой, радиотехнической, артиллерийской, инженерной, радиационной, химической, биологической, бактериологической разведке местности, гидрографической, гидрометеорологической, технической, медицинской и тыловой; радиоэлектронной, оптико-электронной, оптической, звуковой, гидроакустической, сейсмоакустической, магнитометрической и др. видах разведки (см.: [14, с. 246–247; 4, с. 437]).

7. Как это ни парадоксально, но далеко не во всех даже ведущих государствах древности осознавалась необходимость существования войсковой разведки. Так, например, в Древнем Китае, несмотря на весьма высокий уровень развития военного дела, войсковая разведка отсутствовала, а сбор информации о вражеской армии осуществлялся почти исключительно с помощью шпионажа (см.: [19, с. 108, 124–125]).

8. См., напр.: [20, с. 85–108].

9. Такой вывод можно сделать по аналогии на основании данных, относящихся к первой половине XX в. Так, в ст. 121 проекта Полевого устава РККА 1939 г., указывается, что «...дальняя разведка [здесь и далее курсив мой. — В.Д.] ведётся... кавалерийскими и моторизованными разведывательными отрядами — на глубину от одного до полутора переходов от линии охранения своих войск... Ближняя разведка ведётся... кавалерийскими... отрядами, стрелковыми подразделениями, кавалерийскими разъездами... Глубина ведения ближней разведки — до полуперехода» [21]. Согласно Э. Швину, писавшему свой труд на основе анализа событий Первой мировой войны, глубина кавалерийской разведки могла составлять два перехода [22, с. 6]. Исходя из того, что расстояние, составлявшее дневной переход, в указанный период оценивалось приблизительно в 32 км [23, с. 10] (ср.: Veget. I.9, где говорится о том, что за один обычный (совершённый «военным шагом» (*militari gradu*)) переход римское войско преодолевает 20 миль (ок. 30 км) — т.е. примерно столько же, сколько и солдаты Новейшего времени), можно сделать вывод, что глубина дальней кавалерийской разведки в 1920-е – 1930-е гг. должна была составлять примерно 45–60 км. У нас нет веских оснований полагать, что в позднеантичную эпоху данный показатель был принципиально иным.

10. Впрочем, за всю историю римско-персидских войн не известно ни одного случая, когда бы римская или персидская армия заняла вражескую крепость, преследуя отступающего противника. Это может быть объяснено крайне осторожной тактикой, которой придерживались обе стороны, что, в свою очередь, было продиктовано стремлением избежать разного рода случайностей и неожиданностей, чреватых совершенно непредсказуемыми последствиями [26, с. 17]. Вступление же во вражеский город вслед за пытающимся укрыться в нём противником без предварительной разведки таило в себе именно такую опасность. Вообще говоря, позднеантичная военная теория, причём как римская, так и персидская, требовала от полководцев по возможности не доводить дело до открытого сражения, а действовать без спешки, с помощью разного рода военных хитростей, тщательно взвешивая каждый свой шаг и просчитывая возможные варианты поведения противника (Veget. III.9; Anonym. 33; Аин-наме. 47–49).

11. О том, что позднеантичная военная теория весьма чётко определяла и разводила стратегию и тактику, свидетельствует, в частности, указание, содержащееся в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия: «Стратегия изучает использование в ходе генеральных сражений условий времени и места, неожиданных действий и различных военных хитростей, направленных на обман врага, без чего невозможно достичь желаемых целей... Тактика ведает тем, как следует многообразно и надежно осуществлять сражения и другие боевые действия силами войска после выстраивания его в боевой строй и упорядочивания...» (Maugis. II.1).

12. В свете полученных данных нельзя полностью согласиться со схемой, предложенной Е.С. Даниловым, согласно которой те или иные источники разведывательной информации однозначно соотносятся либо со стратегической, либо с тактической разведкой. Так, в частности, к стратегической разведке указанный исследователь относит данные, добытые дипломатами, полученные от делегаций союзных государств, купцов, занимающихся внешней торговлей, географических экспедиций [33, с. 28–62], а к тактической — сведения, предоставляемые военнопленными, перебежчиками, местными жителями, армейской разведкой, военными шпионами, а также черпаемые из слухов [33, с. 63–107]. Как мы видим, перебежчики и шпионы играли весьма важную роль в осуществлении именно стратегической разведки.

Список литературы

1. Дмитриев В.А. Военная разведка в сасанидском Иране: организация деятельности и источники информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 9–22.
2. Симонян Р.Г., Ерёмченко Ф.И., Николаев Н.С., Тумас В.А. Тактическая разведка. М.: Воениздат, 1968. 274 с.
3. Тактика / Под ред. В.Г. Резниченко. М.: Воениздат, 1987. 496 с.
4. Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Гаркина, В.А. Золотарёва, В.М. Карева и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. 816 с.
5. Abandanes // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. A.D. 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1.
6. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком. М.; Л., 1951. С. 187–189.
7. Lee A.D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. xxii, 213 p.
8. Lieu S. N. C. Captives, Refugees and Exiles: a Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 475–505.
9. Lee A.D. Embassies as Evidence for the Movement of Military Intelligence between the Roman and Sasanian Empires // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 455–461.
10. Kettenhofen E. Deportations. II. In the Parthian and Sasanian Periods // Encyclopaedia Iranica. URL: <https://www.iranica.com/articles/deportations#pt2> (дата обращения: 19.02.2016).
11. Айвазян А. Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. Ер.: Воскан Ереванци, 2016. 516 с.
12. Procopius 4 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 742–743.
13. Lucillianus 3 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 517–518.
14. Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
15. Daryaei T. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2009. xxii, 225 p.
16. Whitehouse D., Williamson A. Sasanian Maritime Trade // Iran. 1973. Vol. 11. P. 29–49.
17. Whitehouse D. Sasanian Maritime Activity // The Indian Ocean in Antiquity / Ed. by J. Reade. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 338–349.
18. Лелехов А. Серия красных ракет. Из истории войсковой разведки в период Великой Отечественной войны // Родина. 2012. № 2. С. 111–114.
19. Разин Е.А. История военного искусства. В 3 т. Т. 1. История военного искусства XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. СПб.: Полигон, 1999. 560 с.
20. Дильс Г. Античная техника / Пер. и примеч. М.Е. Сергеев и П.П. Забаринского. М.; Л.: Гостехиздат, 1934. 216 с.
21. Полевой устав РККА (проект). М.: Воениздат, 1939. URL: <http://rkka.ru/docs/real/pu39/6.htm> (дата обращения: 17.03.2016).
22. Швин Э. Войсковая разведка: Пер. с англ. М.: Воениздат, 1941. 120 с.

23. Гуров С.Г. Боец и отделение на походе. М.: Воениздат, 1940. 48 с.
24. Колесников А.И. Иран в начале VII в. (исторические, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л.: Наука, 1970. 144 с.
25. Grump G.A. Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1975. 140 s.
26. Дмитриев В.А. Некоторые аспекты военной тактики персов сасанидской эпохи: теория и практика // Вестник Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. Вып. 13. С. 15–19.
27. Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 368 с.
28. Война и мир в терминах и определениях / Под ред. Д.О. Рогозина. М.: Изд. дом «ПоРог», 2004. 624 с.
29. Telp C. The Evolution of Operational Art, 1740–1813: from Frederick the Great to Napoleon. L.; N.Y.: Frank Cass, 2005. 196 p.
30. Olsen J.A., Creveld M., van. Napoleon and the Dawn of Operational Warfare // The Evolution of Operational Art: From Napoleon to the Present / Ed. by J.A. Olsen and M. van Creveld. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 9–34.
31. Кипп Дж. Оперативное искусство и любопытный западный нарратив о вкладе России: присутствие и отсутствие на протяжении последних двух десятилетий // Русский сборник: исследования по истории России / Под ред. О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова, Б. Меннинга, П. Чейсти. Т. XIII. М.: Изд. дом «Регнум», 2012. С. 269–318.
32. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
33. Данилов Е.С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 230 с.
34. Дмитриев В.А. Exploratus noscendi gratia: Аммиан Марцеллин об участии римской разведки в войнах с сасанидским Ираном // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 21–27.

References

7. Lee A.D. Information and Frontiers. Roman For-

**MILITARY INTELLIGENCE IN SASANIAN IRAN:
METHODS, TYPES AND SCOPE**

V.A. Dmitriev

The Sasanian military authorities used a fairly wide arsenal of forms and methods for reconnaissance and espionage, which were mainly determined by the specific features of Sasanian warfare and of Persia's military opponents, geographical conditions of war theaters as well as peculiarities of social, economic and political systems of the states and peoples who were the enemies of the Sasanian Empire. As for the scope of Sasanian military intelligence, the Persians implemented both strategic and tactical intelligence activities, but tactical intelligence played the leading role among them, which was completely in line with the overall level of military art in the age of Late Antiquity.

Keywords: Sasanian Iran, military history, military intelligence, methods of intelligence, types of intelligence, scope of intelligence.

1. Dmitriev V.A. Voennaya razvedka v sasanidskom Irane: organizaciya deyatel'nosti i istochniki informacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 1. S. 9–22.
2. Simonyan R.G., Eryomenko F.I., Nikolaev N.S., Tumas V.A. Takticheskaya razvedka. M.: Voениzdat, 1968. 274 s.
3. Taktika / Pod red. V.G. Reznichenko. M.: Voениzdat, 1987. 496 s.
4. Voennyj ehnciklopedicheskij slovar'. V 2 t. T. 2 / Pod red. A.P. Garkina, V.A. Zolotaryova, V.M. Kareva i dr. M.: Bol'shaya Rossijskaya Ehnciklopediya, «RIPOL KLASSIK», 2001. 816 s.
5. Abandanes // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. A.D. 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1.
6. Pigulevskaya N. V. Vizantiya na putyah v Indiyu. Iz istorii trgovli Vizantii s Vostokom. M.; L., 1951. S. 187–189.
7. Lee A.D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. xxii, 213 p.
8. Lieu S. N. C. Captives, Refugees and Exiles: a Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 475–505.
9. Lee A.D. Embassies as Evidence for the Movement of Military Intelligence between the Roman and Sasanian Empires // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 455–461.
10. Kettenhofen E. Deportations. II. In the Parthian and Sasanian Periods // Encyclopaedia Iranica. URL: <https://www.iranica.com/articles/deportations#pt2> (data obrashcheniya: 19.02.2016).

11. Ajvazyan A. Armyano-persidskaya vojna 449–451 gg. Kampanii i srazheniya. Er.: Voskan Erevanci, 2016. 516 s.
12. Procopius 4 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 742–743.
13. Lucillianus 3 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 517–518.
14. Slovar' voennyh terminov / Sost. A.M. Plekhov. M.: Voenizdat, 1988. 335 s.
15. Daryae T. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2009. xxii, 225 p.
16. Whitehouse D., Williamson A. Sasanian Maritime Trade // Iran. 1973. Vol. 11. P. 29–49.
17. Whitehouse D. Sasanian Maritime Activity // The Indian Ocean in Antiquity / Ed. by J. Reade. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 338–349.
18. Lelekhov A. Seriya krasnyh raket. Iz istorii vojskovoj razvedki v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Rodina. 2012. № 2. S. 111–114.
19. Razin E.A. Istoriya voennogo iskusstva. V 3 t. T. 1. Istoriya voennogo iskusstva XXXI v. do n.eh. – VI v. n.eh. SPb.: Poligon, 1999. 560 s.
20. Dil's G. Antichnaya tekhnika / Per. i primech. M.E. Sergeenko i P.P. Zabarinskogo. M.; L.: Gostekhizdat, 1934. 216 s.
21. Polevoj ustav RKKA (proekt). M.: Voenizdat, 1939. URL: <http://rkka.ru/docs/real/pu39/6.htm> (data obrashcheniya: 17.03.2016).
22. Shvin Eh. Vojskovaya razvedka: Per. s angl. M.: Voenizdat, 1941. 120 s.
23. Gurov S.G. Boec i otdelenie na pohode. M.: Voenizdat, 1940. 48 s.
24. Kolesnikov A.I. Iran v nachale VII v. (istochniki, vnutrennyaya i vneshnyaya politika, voprosy administrativnogo deleniya). L.: Nauka, 1970. 144 s.
25. Crump G.A. Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1975. 140 s.
26. Dmitriev V.A. Nekotorye aspekty voennoj taktiki persov sasanidskoj ehpoi: teoriya i praktika // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.M. Kirova. Seriya «Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki». 2011. Vyp. 13. S. 15–19.
27. Dmitriev V.A. «Vsadniki v sverkayushchej brone». Voennoe delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskih vojn. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 368 s.
28. Vojna i mir v terminah i opredeleniyah / Pod red. D.O. Rogozina. M.: Izd. dom «PoRog», 2004. 624 s.
29. Telp C. The Evolution of Operational Art, 1740–1813: from Frederick the Great to Napoleon. L.; N.Y.: Frank Cass, 2005. 196 p.
30. Olsen J.A., Creveld M., van. Napoleon and the Dawn of Operational Warfare // The Evolution of Operational Art: From Napoleon to the Present / Ed. by J.A. Olsen and M. van Creveld. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 9–34.
31. Kipp Dzh. Operativnoe iskusstvo i lyubopytnyj zapadnyj narrativ o vklade Rossii: prisutstvie i otsutstvie na protyazhenii poslednih dvuh desyatiletij // Russkij sbornik: issledovaniya po istorii Rossii / Pod red. O.R. Ajrapetova, M. Jovanovicha, M.A. Kolerova, B. Menninga, P. Chejsti. T. XIII. M.: Izd. dom «Regnum», 2012. S. 269–318.
32. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1987. 440 s.
33. Danilov E.S. Vojna i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v antichnom Rime. Yaroslavl': YarGU, 2011. 230 s.
34. Dmitriev V.A. Exploratus noscendi gratia: Ammian Marcellin ob uchastii rimskoj razvedki v vojnah s sasanidskim Iranom // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ehkonomika. Informatika». 2011. № 19 (114). Vyp. 20. S. 21–27.